

12+ Иван Старостин

---

*Рог,
помнящий
рассвет*

Иван Старостин

Рог, помнящий рассвет

«Издательские решения»

Старостин И.

Рог, помнящий рассвет / И. Старостин — «Издательские решения»,

«Рог, помнящий рассвет» — медитативная притча о носороге по имени Солун, чья жизнь становится путём к гармонии с миром. Рождённый под тихим дождём в долине, где каждый след хранит память, он с первых шагов учится у родителей Нэи и Торана главному: брать от земли лишь необходимое, не нарушая её хрупкого баланса.

Содержание

Глава первая. Рождение под знаком первого дождя	6
Глава вторая. Тропы, вытоптанные отцами	9
Глава третья. Урок тишины и корня	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Рог, помнящий рассвет

Иван Старостин

© Иван Старостин, 2026

ISBN 978-5-0070-4187-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Рождение под знаком первого дождя

Рождение Солуна под первым дождём с родителями Нэей и Тораном

Земля ещё хранила прохладу ночного дыхания, когда небо над долиной Акхара начало светлеть не солнцем, а влагой. Это было время, когда ветер менял направление, принося с юга запах мокрой глины и коры акаций, когда муравьиные тропы, высохшие за долгую засуху, впервые набухали и начинали шептать. Долина лежала между двумя горными хребтами, похожими на спящих зверей, чьи спины покрыты редким кустарником и каменными осыпями. Здесь, у излучины пересохшего русла, где земля трескалась узорами, напоминающими линии на ладони старого мудреца, родилась жизнь.

Он появился на свет тихо, без крика, как появляется первый росток после долгого покоя. Мать, чьё имя было Нэя, легла на бок, позволяя земле принять его вес. Её кожа, грубая и испещрённая шрамами прошлых переходов, казалась частью самого ландшафта. Она дышала медленно, ровно, как дышит река в половодье, когда вода уже нашла свой путь и больше не спешит. Отец, Торан, стоял в нескольких шагах, повернув голову к ветру. Его рог, потемневший от времени и терний, был не украшением, а инструментом памяти. Он помнил каждый камень, каждую тропу, каждый разлом земли, который когда-либо преграждал им путь. Когда детёныш сделал первый вдох, Торан тихо стукнул копытом о сухую корку почвы. Это был не сигнал опасности, а кивок. Признание.

Его назвали Солун. Имя не было произнесено вслух, ибо у тех, кто ходит по земле тяжело и внимательно, слова рождаются из тишины. Нэя облизала его бока, убирая остатки околоплодной влаги, и в этом движении не было спешки, только древний ритм заботы. Солун поднял голову. Мир предстал перед ним не как пространство, а как ткань: переплетение запахов, звуков, теней и тепла. Он слышал, как капля скатывается с листа, как жук прогрызает ход в древесной коре, как где-то вдали, за холмом, пролетает стайка птиц, чьи крылья рассекают воздух с лёгким шелестом. Его глаза, тёмные и влажные, впитывали свет, ещё не понимая, что свет можно беречь.

Первые дни прошли в полусне и полу пробуждении. Солун учился стоять. Его ноги, толстые и неуклюжие, дрожали под собственным весом. Он падал, поднимался, снова падал, и каждый раз Нэя лишь слегка подталкивала его рогом, давая понять: земля не враг, а опора.

Торан приносил еду не к её ногам, а в стороне, оставляя пучки молодой травы, сочные клубни, вырытые из мягкого слоя почвы после первых дождей. Он не клал их прямо перед мордой детёныша. Он оставлял их там, где нужно было сделать три шага, потом пять, потом десять. Так рождалось первое понимание дистанции, терпения и уважения к чужому труду.

Когда Солун впервые потянулся к пучку травы, его губы коснулись земли. Он оторвал стебель, не вырывая корня. Нэя наблюдала. В её взгляде не было гордости, только тихое согласие. Она знала: если вырвать корень, завтра на этом месте будет пустота. Если оставить корень, завтра будет новый стебель. Это был первый урок, который не произносится, а проживается. Солун жевал медленно, чувствуя, как сок наполняет рот, как тело реагирует на него теплом, как желудок принимает дар без спешки. Он ещё не умел мыслить словами, но уже знал: брать можно лишь столько, сколько помещается в тишине между вдохом и выдохом.

В полдень, когда солнце поднялось над хребтом и тени стали короткими и резкими, Солун впервые отошёл от матери. Он не бежал. Он шёл, ставя ноги осторожно, прощупывая грунт носом, прислушиваясь к хрусту сухой ветки, к шороху ящерицы, к отдалённому гулу пчёл у старого баобаба. Его путь привёл к каменной гряде, где среди трещин росла серебристая полынь. Он наклонился, чтобы попробовать её, но остановился. В тени камня сидела старая черепаха, чей панцирь был покрыт лишайником и мелкими трещинами, похожими на русла рек на карте. Она не двигалась. Она дышала раз в минуту. Солун замер. Он понял, что перед ним не препятствие, а свидетеля. Черепаха подняла голову, посмотрела на него долгим, безэмоциональным взглядом, и медленно опустила её снова. Солун отступил. Он не стал рвать полынь. Он вернулся к траве, которая росла в трёх шагах левее, где почва была мягче, а корни не так глубоко ушли в камень. Это был не страх. Это было достоинство. Понимание, что сила не в том, чтобы взять всё, что видишь, а в том, чтобы знать, когда остановиться.

Вечер опустился на долину без предупреждения. Небо окрасилось в оттенки пепла и меди, ветер сменил направление, принёс запах остывающей земли и далёкого дождя. Нэя и Торан стояли рядом, их тела образовывали естественный барьер от ночного холода. Солун лёг между ними, прижимаясь боками к тёплой коже родителей. Он слушал, как бьются их сердца. Не быстро. Не медленно. Ритмично. Как удары дождя по листьям. В этот момент он впервые почувствовал не просто сытость, а принадлежность. Он был частью этого места. Не хозяином. Не гостем. Частью.

В тишине ночи, когда звёзды пробили небесный купол и луна легла на траву серебристым покрывалом, внутри него родилось первое осознанное слово. Оно не было произнесено. Оно было прожито. Оно звучало так: я здесь. Я не должен разрушать, чтобы существовать. Я должен существовать, чтобы не разрушать.

С тех пор каждая смена сезона становилась для него не просто изменением погоды, а уроком. Весна приходила не с криком, а с прорастанием. Лето не с жарой, а с терпением. Осень не с увяданием, а с благодарностью. Зима не с холодом, а с ожиданием. Он учился читать землю по трещинам, по поведению муравьёв, по направлению ветра, по вкусу воды в пересыхающих лужах. Он не ломал веток, когда мог пройти под ними. Он не вытапывал молодые побеги, когда мог обойти их по краю. Он не пил до дна, когда вода была мутной. Он ждал. Он наблюдал. Он запоминал.

Иногда, в часы, когда свет ложился косо и длинные тени сливались с силуэтами деревьев, он замирал и слушал внутренний шёпот. Это не был голос разума. Это был голос крови, земли, памяти предков. Он говорил без слов: ты не один. Ты не первый. Ты не последний. Ты звено. Не цепь, которую можно разорвать. Круг, который можно лишь поддерживать.

В те же часы, когда ветер приносил запах далёких гор и солёной пыли, в его сознании всплывала притча, которую он ещё не знал, но уже чувствовал:

«Рог не растёт для удара. Он растёт для памяти. Он помнит, где была трава вчера, где будет вода завтра, где прошло стадо, которое не вернётся. Тот, кто рвёт корень, теряет завтраш-

ний день. Тот, кто оставляет корень, получает рассвет. Сила не в том, чтобы пройти сквозь стену. Сила в том, чтобы понять, зачем стена была поставлена, и обойти её, не разрушая».

Солун не знал, что это слова. Он знал, что это правда. Он знал её кожей, копытами, дыханием. Он знал, что его путь не будет лёгким. Он знал, что земля не прощает жадности, но вознаграждает внимание. Он знал, что его рог, ещё мягкий и короткий, станет не оружием, а инструментом ориентации. Что его шаги не будут топтать, а будут оставлять следы, по которым смогут идти другие. Что его жизнь не будет криком, а будет шёпотом, который слышат только те, кто умеет слушать.

Первый год прошёл как один долгий вдох. Солун вырос. Его кожа огрубела, но не потеряла чувствительности. Его рог окреп, но не стал тяжёлым. Его глаза научились видеть не только то, что есть, но и то, что может быть. Он уже не падал. Он не спешил. Он не брал лишнего. Он знал, где трава слаще, но шёл туда, где земля нуждалась в его присутствии больше. Он знал, что вода в глубокой яме чище, но пил из мелкой лужи, оставляя глубокую для тех, кто придёт после него. Он не понимал слов «альтруизм» или «экология». Он понимал слово «баланс». И этого было достаточно.

Когда наступил второй сезон дождей, Солун впервые остался один на целую ночь. Нэя и Торан ушли к дальним холмам, где вода стояла дольше, где трава не успевала высохнуть. Он не последовал за ними. Он остался у знакомой излучины, потому что знал: земля здесь помнит его шаги. Он лёг под нависающим камнем, прикрылся от ночного ветра собственным телом, и заснул. Во сне он видел не хищников, не засуху, не голод. Он видел тропу. Не прямую. Не короткую. Извилистую. Огибающую камни. Проходящую мимо молодых деревьев. Возвращающуюся к тому же месту, но уже с другой стороны. Он проснулся до рассвета. Небо было серым. Ветер тёплым. Воздух влажным. Он встал. Сделал первый шаг. Потом второй. Потом третий. И пошёл. Не куда глаза глядят. А куда зовёт память земли.

Он ещё не знал, что впереди его ждут встречи, которые изменят его понимание силы. Что засуха научит его терпению, а не выносливости. Что встреча с чужаком покажет ему, что граница не в земле, а в уме. Что любовь придёт не как вспышка, а как постепенное слияние дыханий. Что семья не будет клеткой, а будет кругом, который расширяется, не разрываясь. Что его потомство не будет повторением, а будет продолжением. Что его легенда не будет записана в камне, а будет вытоптана в почве, по которой будут идти другие.

Но всё это было впереди. Сейчас был только рассвет. Только первый шаг. Только тишина, в которой рождается всё, что стоит сохранить.

И он шёл.

Глава вторая. Тропы, вытоптанные отцами

Встреча молодого Солуна с мудрым старейшиной Гараном

Дождь прошёл не ночью, а на рассвете. Он не барабанил по листьям, а ложился на землю мягко, как ладонь на горячее плечо. Каждая капля впитывалась медленно, не спеша, оставляя после себя тёмные пятна, похожие на печати. Воздух стал плотнее, тяжелее, наполненным запахом мокрой пыли, прелой коры и далёкого грозового фронта, который ещё не разразился, но уже дышал в спину. Солун проснулся до света. Его тело, за прошедшие месяцы вытянувшееся и окрепшее, уже не нуждалось в тепле родительских боков. Он встал не резко, а постепенно, перекачивая вес с ноги на ногу, давая суставам вспомнить вчерашний ритм. Земля под копытами была влажной, но не размытой. Она держала форму. Она помнила.

Он не оглянулся. Не потому что забыл, а потому что понял: уход не означает разрыв. Нэя и Торан не исчезли. Они просто стали фоном, как горы становятся фоном для неба. Их шаги остались в памяти почвы, их дыхание — в ветре, их тишина — в том, как он теперь сам измеряет расстояние до воды. Он сделал первый шаг. Потом второй. Тропа, по которой он шёл, не была прямой. Она петляла, огибала камни, поднималась на невысокие гряды, спускалась в ложбины, где скапливалась утренняя роса. Он не спешил. Он слушал.

Лес менялся. Не мгновенно, а слоями. Сначала ушли высокие травы, уступив место кустарнику с серебристой листвой, которая отражала свет даже в пасмурные дни. Потом появились термитники — не случайные насыпи, а сложные сооружения, чьи входы всегда были обращены на восток, чтобы встречать первое тепло. Солун знал: если термитники стоят ровно, значит, почва стабильна. Если один из них просел или накренился, значит, под ним прошла вода, или земля дышала неровно. Он не подходил близко. Он наблюдал. Он запоминал.

К полудню небо посветлело. Ветер сменил направление, принеся запах соли и далёкого моря, хотя до него было много дней пути. Солун остановился у подножия старого баобаба, чей ствол был шире двух вытянутых тел, а кора покрыта трещинами, похожими на линии ладоней старейшин. Он прижался боком к дереву. Не чтобы скрыться. Чтобы почувствовать вибрацию. Дерево дышало. Не листьями. Корнями. Глубоко. Медленно. Оно помнило засухи, помнило дожди, помнило шаги тех, кто приходил сюда до него. Солун закрыл глаза. В его сознании возникло не слово, а ощущение: ты не первый. Ты не последний. Ты звено.

Именно в этот момент он услышал шаги. Не быстрые. Не скрытные. Тяжёлые. Уверенные. Но не угрожающие. Они шли не к нему. Они шли мимо. Он открыл глаза. Из-за гряды камней вышел старый носорог. Его кожа была не просто грубой — она была картой. Шрамы пересекали бока, спину, шею, но не хаотично. Они шли параллельно, как русла рек, как линии на глине после долгого высыхания. Рог был потемневшим, слегка изогнутым, с выщербленными краями. Не от боёв. От времени. От трения о кору, от касания о камни, от тысяч прикосновений к земле. Старый носорог не посмотрел на Солуна сразу. Он остановился. Повернул голову к ветру. Сделал вдох. Потом выдох. И только тогда его глаза, тусклые, но острые, встретились с глазами молодого.

Его звали Гаран. Имя не было произнесено. Оно было понято. Как понимают название реки по её течению, название горы по её склону. Гаран не подошёл ближе. Он не отступил. Он просто встал на расстоянии, которое позволяло обоим дышать, не мешая друг другу. Это было не расстояние страха. Это было расстояние уважения. Солун опустил голову. Не в покорности. В признании. Гаран кивнул. Не подбородком. Всей шеей. Медленно. Ровно.

Они не говорили. Они не нуждались в словах. Их общение началось с движения. Гаран повернулся и пошёл по тропе, которая вела к пересохшему руслу. Солун последовал. Не вплотную. Не отставая. В том ритме, который задавал не он, и не Гаран, а сама земля. Они шли мимо кустов дикой оливы, мимо каменных осыпей, мимо участков, где трава росла реже, но зеленее. Гаран иногда останавливался. Не надолго. На несколько вдохов. Он касался рогом земли. Не глубоко. Слегка. Как проверяют температуру воды перед тем, как войти. Солун делал то же самое. Он чувствовал, как Гаран читает почву: по влажности, по плотности, по запаху разлагающихся листьев, по наличию мелких корней, которые ещё не успели прорасти на поверхность. Это не было знанием. Это было слушанием.

К вечеру они достигли водооя. Не реки. Не озера. Лужи, окружённой камнями и корнями старых деревьев. Вода была мутной, но не грязной. Она стояла давно, но не протухла. Потому что берега не были вытоптаны. Потому что никто не приходил сюда толпой. Потому что те, кто пил, пили тихо. Гаран подошёл первым. Он не нырял мордой в воду. Он не раскапывал дно. Он опустил губы к краю, сделал несколько глотков, поднял голову, посмотрел на небо, затем снова опустил. Солун ждал. Не из страха. Из понимания. Когда Гаран отступил, Солун подошёл. Он пил так же. Медленно. Оставляя воду спокойной. Оставляя ил нетронутым. Оставляя место для следующего.

В тишине между глотками Солун почувствовал, как внутри него раскрывается не память, а осознание. Он понял, что его родители не оставили его. Они передали ему эстафету. Не в виде правил. Не в виде запретов. В виде ритма. Ритма шагов. Ритма дыхания. Ритма остановки перед тем, как взять. Он вспомнил, как Нэя учила его не вырывать корни. Как Торан оставлял еду в стороне, заставляя делать шаги. Как он сам, ещё будучи детёнышем, отступал от полыни, чтобы не потревожить черепаху. Теперь он видел: это не отдельные уроки. Это единая ткань. И Гаран был её нитью, протянутой сквозь поколения.

Ночь опустилась без резких границ. Небо сначала стало пепельным, потом синим, потом чёрным. Звёзды появились не все сразу, а постепенно, как будто кто-то осторожно открывал занавес. Гаран лёг не далеко, не близко. Он лёг так, чтобы его дыхание не мешало ветру, чтобы его тело не перекрывало тропу, чтобы его присутствие было тихим, но ощутимым. Солун лёг рядом. Не прижимаясь. Не отстраняясь. В том пространстве, которое рождается между доверием и свободой.

В темноте, когда звуки леса стали чётче, а запахи глубже, в сознании Солуна возникла притча. Она не пришла извне. Она вытекла из тишины, из ритма дыхания Гарана, из влажности земли под боком, из памяти первых шагов. Она звучала так:

«Корни не спорят за землю. Они плетутся. Один идёт глубоко, другой — вширь. Третий обходит камень. Четвёртый ищет влагу. Они не мешают друг другу. Они держат. Ветер не

ломает дерево, если оно гнётся. Река не размывает берег, если он принимает её изгибы. Память не хранится в камне. Она течёт. Как вода. Как шаги. Как дыхание тех, кто шёл до тебя. Ты не наследник. Ты продолжатель. Не цепь, которую можно разорвать. Круг, который можно лишь поддерживать».

Солун не знал, что это слова. Он знал, что это правда. Он чувствовал её в мышцах, в копытах, в роге, который уже не был мягким, но ещё не стал тяжёлым. Он чувствовал, как Гаран дышит. Ровно. Медленно. Без спешки. Без тревоги. И в этом дыхании было всё: засухи, дожди, переходы, остановки, встречи, расставания, тишина, которая не пуста, а полна.

Утром Гаран ушёл. Не внезапно. Не молча. Он встал. Повернулся к солнцу. Сделал три шага в сторону, противоположную той, куда шёл Солун. И исчез за грядой камней. Не навсегда. Просто на время. Солун не побежал за ним. Не окликнул. Он остался. Он понимал: урок не в сопровождении. Урок в самостоянии. В умении идти одному, но не в одиночестве. В умении слышать землю, даже когда рядом нет того, кто её знает лучше.

Он продолжил путь. Тропа стала уже. Камни — крупнее. Трава — реже. Но он не ускорился. Он не изменил ритм. Он шёл так, будто Гаран всё ещё рядом. Потому что в каком-то смысле он был. В каждом шаге, который не вытаптывал молодые побеги. В каждой остановке, которая позволяла ветру пройти. В каждом глотке воды, который оставлял берег целым.

К полудню он встретил стадо антилоп. Они не бежали. Не прятались. Они шли параллельной тропой, огибая те же камни, останавливаясь у тех же кустов. Самка с детёнышем посмотрела на него. Не с испугом. С вопросом. Солун остановился. Опустил голову. Дал им пройти первыми. Не из слабости. Из понимания: пространство не делится. Оно делится уважением. Когда антилопы ушли, он продолжил. Тропа привела его к участку, где земля была покрыта мелкими трещинами. Не от засухи. От движения почвы. Под ней шёл подземный ручей. Он не стал копать. Он не стал ломать кору. Он встал на край трещины, прижался носом к земле, и почувствовал влажность. Глубокую. Стабильную. Он отступил. Он запомнил координаты не в уме, а в теле. В мышцах ног. В угле наклона головы. В ритме дыхания.

Вечер принёс запах гари. Не от костра. От сухих листьев, которые начали тлеть от долгого солнца. Солун не побежал. Он не запаниковал. Он пошёл в сторону, где трава была влажнее, где ветер дул не на него, а мимо него. Он не стал гасить огонь. Он не стал спасать то, что уже отжило. Он дал природе завершить цикл. Он ушёл. Он оставил пепел земле. Он знал: из пепла вырастет новое. Не сразу. Но обязательно.

Ночь была тихой. Звёзды яркие. Ветер холодный. Солун лёг под нависающим камнем, как в первый год. Но теперь он не искал тепла родителей. Он искал тишины. И нашёл её. В ней не было пустоты. В ней было всё: шаги Гарана, дыхание Нэи, ритм Торана, память земли, вода, которая ещё не дошла, трава, которая ещё не выросла, путь, который ещё не пройден, но уже существует.

Он закрыл глаза. И в тишине, которая не требовала ответов, возникла ещё одна мысль. Не слово. Не притча. Просто знание: ты не должен доказывать, что достоин этой земли. Ты должен просто быть её частью. Не хозяином. Не гостем. Частью. И этого достаточно.

Рассвет наступил медленно. Небо светлело не солнцем, а влагой. Ветер сменил направление. Земля дышала. Солун встал. Сделал шаг. Потом второй. Потом третий. И пошёл. Не куда глаза глядят. А куда зовёт память. Не чтобы найти. А чтобы быть.

Тропы, вытоптанные отцами, не исчезали. Они расширялись. Они становились его. И он становился ими.

Глава третья. Урок тишины и корня

Урок засухи: встреча с гиеной у водопоя

Дожди ушли не с громом, а с выдохом. Небо, ещё вчера тяжёлое и влажное, постепенно светлело, теряя свои серые складки, пока не стало прозрачным, как стёкла старого сосуда. Воздух перестал пахнуть мокрой землёй и начал пахнуть пылью, нагретой корой, сухой травой, которая скручивалась по краям, не ломаясь, а сворачиваясь внутрь, словно сохраняя последние капли влаги для себя. Земля не трескалась от злости. Она раскрывалась тихо, узором, похожим на сеть рек на старинной карте, где каждая линия вела к центру, к памяти воды. Солун почувствовал это не кожей, а дыханием. Воздух стал тоньше. Каждый вдох требовал чуть больше внимания. Каждый выдох оставлял чуть больше тишины.

Он не стал бежать. Не стал искать тени в панике. Он остановился. Поднял голову. Повернул её к ветру, который теперь дул не с юга, а с северо-запада, принося запах далёких гор и остывающего камня. Он знал: засуха не наказание. Она не приходит, чтобы уничтожить. Она приходит, чтобы отсеять. Чтобы оставить только то, что умеет ждать. Чтобы научить тело экономить движение, а ум различать нужду и привычку. Он сделал шаг. Потом ещё один. Медленнее, чем раньше. Не из слабости. Из расчёта. Каждый шаг теперь стоил влаги. Каждый поворот головы требовал осознанности. Он шёл не туда, где было прохладнее. Он шёл туда, где земля помнила воду.

В полдень солнце легло на долину тяжёлым покрывалом. Тени стали короткими, резкими, почти не дающими передышки. Солун нашёл не тень, а полутень под нависающим утёсом, где камень сохранял прохладу дольше, чем воздух. Он лёг не на бок, а подогнув ноги под себя, чтобы уменьшить площадь контакта с горячей землёй. Его дыхание стало редким, глубоким. Он не спал. Он слушал. Земля под ним дышала иначе. Медленнее. Глубже. Как будто ушла в себя, собирая остатки влаги в нижних слоях, где корни старых деревьев ещё касались подземных жил. Он закрыл глаза. В темноте век возникло не воспоминание, а ощущение: засуха не забирает. Она показывает. Показывает, что лишнее это то, что мешает дышать. Что сила не в том, чтобы бежать быстрее, а в том, чтобы идти ровнее. Что выживание не в борьбе, а в согласии.

Он встал, когда солнце начало клониться к западу. Воздух стал чуть мягче. Ветер принёс новый запах не воды, а возможности. Он пошёл по склону, где трава была не зелёной, а серо-зелёной, где стебли гнулись, но не ломались. Он искал не ручей. Он искал признак. Он знал: вода не исчезает. Она прячется. Она уходит глубже. Она ждёт, пока кто-то научится её читать.

Первым признаком стал мох. Не яркий, не сочный. Тонкий, серебристый, прилипший к северной стороне валуна. Солун подошёл. Не коснулся. Только наклонил голову. Мох не рос от дождя. Он рос от конденсата. От ночной влаги, которая оседала на камне, когда воздух остывал быстрее, чем почва. Это значило: под камнем есть влага. Не река. Не источник. Жила. Тонкая. Но живая. Он отступил. Запомнил положение камня относительно солнца. Запомнил направление ветра. Запомнил, как лежит тень в полдень. Это не было знанием в человеческом смысле. Это было телесным пониманием. Памятью кожи, копыт, рогов.

Вторым признаком стали термиты. Их насыпь стояла в стороне от тропы, не высокая, но плотная. Вход был обращён не на восток, как обычно, а чуть к юго-востоку. Солун подошёл ближе. Почва у подножия была чуть темнее. Не от воды. От тени. От того, что термиты знали: влага уходит не вниз, а вбок, по склону подземного пласта глины. Они не копали глубоко. Они следовали за влагой. Он не стал ломать насыпь. Он не стал рыть. Он встал на расстоянии, опустил рог, коснулся земли. Почувствовал прохладу. Слабую. Но настоящую. Он отступил. Повернул на юго-восток. Пошёл по склону, где листья акации были не скрученными, а слегка опущенными. Не от засухи. От того, что корни уже нашли путь к воде.

К вечеру он достиг ложбины, где земля прогибалась, образуя естественную чашу. В центре стояла лужа. Не большая. Не глубокая. Окружённая камнями и корнями. Вода была мутной от ила, но не протухшей. Она стояла. Она ждала. Солун не подошёл сразу. Он остановился в десяти шагах. Повернул голову к ветру. Сделал вдох. Выдох. Только потом сделал шаг. Потом ещё один. Он не спешил. Он знал: спешка поднимает ил. Ил делает воду горькой. Горькая вода не утоляет жажду. Она оставляет её в теле. Он подошёл к краю. Опустил морду медленно. Не ныряя. Не раскапывая. Коснулся губами поверхности. Сделал глоток. Поднял голову. Посмотрел на воду. Она не взволновалась. Она осталась спокойной. Он сделал второй глоток. Третий. Остановился. Отступил на два шага. Лёг. Не для отдыха. Для наблюдения. Он знал: вода не его. Она общая. Она принадлежит тем, кто придёт после него. Тем, кто ещё не родился. Тем, кто идёт по той же тропе, но с другой стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.